

МУЖЧИНЫ КОРОТКОШТАННОГО ВОЗРАСТА

Все началось с фотографии. Она нашлась в шкафу и удивила. На меня хитро смотрел мальчишка моих лет. Откуда он взялся? Других мужчин короткоштанного возраста в нашей семье я не знал. Одна моя фотография стояла на полке, другие, заботливо подписанные бабушкой, лежали в альбоме. А это кто? Неужели родители решили купить еще одного мальчишка? Если вы не в курсе, меня купили в Москве, откуда тогда везли весь дефицит, в магазине «Прага» за миллион рублей.

— Кто это?

— Это дедушка.

— Мальчишки не бывают дедушками.

— Это твой дедушка, когда он был мальчиком.

— Мой? Разве он тоже был мальчиком?

Так я понял, что мир существовал и до меня. Уже взрослым я рассмотрел ту фотографию внимательнее. Хитрюга в коротких штанишках — мой дед Вовка Саморуков. Здесь ему около трех лет, а, значит, вокруг идеального мирка фотографии 1926 год. В правом нижнем углу выдавлена фамилия мастера «Вакуленко». Сегодня это имя знают разве что собиратели старинных фотографий, а в начале XX века фамилия звучала не только в Туле, где сделан снимок, но и по всей России.

Легендарный фотограф Иван Павлович Вакуленко, работы которого поныне хранятся в Эрмитаже, с 1892 года владел крупными фотографией в Туле в доме Астрецова, что на Киевской улице. Кстати, неподалеку располагалась мастерская его менее удачливого коллеги Ф.И. Ходасевича, отца знаменитого поэта.

Высокий уровень снимков принес Вакуленко многочисленные награды на всероссийских фотовыставках и даже личную благодарность Николая II. В 1898 году мастер передал дело сыну Владимиру. Несмотря на высокую конкуренцию и историко-экономические катаклизмы, салон Вакуленко продолжал работать и при советской власти, сохраняя в кадре неповторимый образ старорежимной безмятежности.

За спиной деда нарисованная дорога, лентой закручивающаяся за горизонт. Эту дорогу можно видеть еще на фотографиях Вакуленко начала века. Фотографы держали целый арсенал на все случаи жизни: уголок парка с непременно беседкой или колоннами, различные драпировки, пейзажи всех мастей...

На их фоне размещали реальные вазы с искусственными цветами, вместительные диваны, изящные ширмы или тумбы, на которые так удобно было опираться моделям. Нашего маленького хулигана поставили перед пасторальным заборчиком, дав в руки плюшевого кролика в забавных крапинах. Деревенскую идиллию дополняет трогательный барашек на колесиках.

Сложно поверить, что за кулисами снимка страна только что пережила гражданскую войну, военный коммунизм и уже начала переживать закат новой экономической политики, отчасти вернувшей дореволюционный комфорт жизни, чем люди с удовольствием пользовались. Не зря знаменитое высказывание В.И. Ленина о том, что «значение Тулы для республики огромно», имело малоизвестное продолжение: «...но народ там не наш. За ним нужен глаз да глаз». Судя по тому, что снимок сделан в одном из лучших фотосалонов, а также по модному костюмчику и ботиночкам непоседы, семья главного бухгалтера Товарковского сахарного завода не бедствовала.

Но маленькому Володе на снимке взрослые проблемы пока малоинтересны. Он как раз начинает активно познавать мир, и даже в застывшей маленькой фигурке чувствуется жизнь и движение. На почти безволосой головке особенно выделяются огромные пытливые глаза. Одна из коротких штанин задралась, маленькая ручка крепко сжимает ушастого друга. Такое ощущение, что беспокойный позер застыл на мгновение, удивленный фразой: «Сейчас вылетит птичка!»

— Тогда, в детстве, мне было страшно интересно, где же пролетает эта невидимая птичка. Взросление разрушило и эту сказку. Просто

на старых фотоаппаратах была очень долгая выдержка, доходившая до получаса. Чтобы люди, особенно маленькие, могли улыбнуться после утомительно долгого позирования, фотографы в нужный момент выпускали из укромного места птиц или мелких зверьков. Люди отвлекались, начинали следить за полетом птички и улыбались.

— Дед, получается, хитрому фотографу оставалось лишь поймать выразительный взгляд модели.

— Верно. Со временем от помощи живности отказались, а присказка осталась, продолжая интриговать маленьких и веселить больших.

— Знаешь, о чем я подумал? Может, американские улыбки в 33 зуба потому и стали у нас олицетворением натужного счастья, что производятся механическим растягиванием губ при произнесении слова «cheese»?

— Может. Привычное нам выражение счастливого лица традиционно вызывалось искренним удивлением и радостью от внезапного маленького чуда.

ГДЕ ИСКАТЬ ФАМИЛЬНЫЕ КЛАДЫ

— Дед, неужели ты тоже был маленьким?

— А как же, у меня были родители, у моих родителей их родители и так далее. 24 апреля 1923 года родился я.

— И ты сразу знал, что станешь моим дедушкой?

— Молодым я не задумывался, что доживу до таких лет. Не очень много, но прилично по современной жизни. Я пережил своего отца почти на 50 лет (он умер 36-ти лет), а он, было время, сомневался в моем здоровье. Первые мои воспоминания: со мной играют взрослые: мама, отец, родные. Думаю, мне тогда было года четыре. Помню, как мама пекла пышки, пироги и угощала меня. Отец рассказывал сказки.

— Какие?

— Разные. Больше прочих я любил слушать про Рейнеке Лиса. Автора я уже не вспомню. Эту книгу откуда-то принес отец. В ней описывались похождения хитрого братца Лиса, который из всех ситуаций умудрялся выйти победителем. В книге было много картинок, на которых лесные звери щеголяли в старинных костюмах. Лис, Лев, Кот, Кролик, Волк и другие, подобно героям рыцарских романов, носили шпаги и шляпы с перьями.

— Я знаю эту историю, ты мне ее тоже рассказывал. А где теперь эта книга?

— Сгорела вместе с домом во время отступления немцев в декабре 1941 года.

Эта история стала любимой сказкой и моего детства. Сложно ска-

зять, кто получал большее удовольствие: я, слушая, или дед, рассказывая. Естественно, что одни и те же истории каждый раз обретали новые подробности. Иногда я требовал продолжения, и деду приходилось включать фантазию. Мы даже играли в эту сказку. Я был изворотливым братцем Лисом, дед — сильным, но глупым братцем Волком, а когда у меня появился брат, он стал братцем Котом.

Обычно я, братец Лис, возлежал на мохнатой шкуре пледа посреди собственного замка из стульев, передо мной стоял кувшин вина, валялись обглоданные кости. Ко мне заходил братец Волк, и игра начиналась. Спустя тридцать лет она получила неожиданное продолжение, но об этом позже.

— Дед, а что тебе еще запомнилось из детства?

— В памяти почему-то остались какие-то странные фрагменты. Может, потому и остались, что странные. Помню, как сидел за печкой и отколупывал от нее глину, которой та была обмазана.

— Зачем тебе была нужна глина?

— Я ее ел.

— Что ты ее?

— Ел. Организму не хватало железа. А еще помню, как ездил с отцом за жмаком.

— А это что такое?

— Жмак, он же жмых,— такие блестящие прессованные кусочки с приятным запахом, остатки семян подсолнечника после отжима из них масла. Это хороший корм для лошадей, свиней и другого скота. Мы держали небольшое хозяйство, я вместе с другими мальчиками пас скотину, жег костры. Когда мне было примерно 5 лет, я катался на лыжах и на коньках, какие мне сделали братья мамы, а позднее отец купил мне лыжи в Туле. Катался с горок, просто по полю. Меня брал с собой уже взрослый парень по фамилии Корякин, имени не помню. Он уже после Отечественной войны был заведующим Тульским облздравотделом. Помню, как ходил купаться с ребятами на пруд в поселке Товарковский, где мы жили в это время. Помню, как играл со сверстниками в войну.

— Дед, мы тоже так играли! У нас были русские и немцы, а у вас?

— А у нас «красные» и «белые». У меня было разное оружие, сделанное мною же из досок: кинжалы, сабли, винтовки, револьверы. Я много работал ножом, делая оружие. Делал это неумело, поэтому руки постоянно были в порезах.

— Ты в детстве курил?

— Как-то двое мальчиков старше меня подговорили, чтобы я принес из дома папирос. Отец не курил, но папиросы у нас были. Я при-

нес папирос, и мы на чердаке сарая стали их курить. Как мы не сожгли сарай, не знаю, но я скоро накурился так, что полностью отключился. Ребята, бывшие со мною, сказали об этом моей матери, которая забрала меня, уложила спать, а когда я пришел в себя, отругала. Позже мы переехали из поселка Товарковский, где отец работал главным бухгалтером Товарковского сахарного завода, в город Богородицк, поближе к родственникам.

— К каким родственникам?

— Нас, Саморуковых (я имею в виду не всех старших, родителей, а мое поколение), в Богородицке было трое: Вера, Юрий (брат с сестрой) и я. Мы очень дружили. Их родители — Саморуков Михаил Васильевич и Саморукова (Ломакина) Ольга Павловна. Мой отец Саморуков Владимир Васильевич был родным братом Михаила, а моя мама Елизавета Павловна была родной сестрой Ольги. Два брата женились на двух сестрах.

— Просто кино.

— Жизнь оказалась интереснее кино. Я всегда считал, что главные товарищи моего детства Юрий и Вера переживут меня. Женщины вообще живут дольше мужчин, их родители были здоровые, крепкие люди. Однако получилось, что Юрка, всю войну просидевший в зенитной артиллерии связистом, нераненый, умер первым, не дожив 3-х месяцев до 70 лет (он родился 20 мая 1925 года). Поехал ловить рыбу на Финский залив Балтийского моря (жил в г. Выборге), и с ним что-то случилось, возможно, инсульт. Он пролежал около суток в луже на льду, спасти его в больнице не удалось.

— Жаль. А Вера?

— Вера жила в г. Феодосии с мужем-фронтовиком Добрыниным Виктором Григорьевичем. Деньги в семье водились, и она вбила себе в голову, что муж спрятал в доме приличный сверток с золотыми изделиями. После смерти мужа в 1981 году Вера жила замкнуто, скупно, ни с кем не общаясь. Найти клад ей никак не удавалось. Чтобы его случайно не нашел кто-то из родных, любивших приезжать к ней летом, она отвадила всех от дома.

— Дед, а где чаще всего прятали клады?

— Вариантов множество: в углах чердака, под коньком крыши, в потолочном перекрытии. Их вмуровывали в стены дома и в печи, прятали под подоконником и под порогом, укрывали в пустотах мебели. Погреб, хлев, сарай, колодец, уличный туалет, навозная куча... Все зависело от того, кто и что прятал. 19 ноября 2001 года Вера умерла в возрасте 79 лет. Перед этим упала на землю: по-видимому, тоже инсульт.

— А как же клад?

— Наследники Веры, к тому времени уже жившие в Канаде, пере-

рыли весь дом и двор, но клада не нашли.

Мой клад нашел меня сам. Как-то, по обыкновению, я зашел в букинистический магазин и в шкафу с антикварными книгами обнаружил основательно почитанное издание 1902 года со знакомым названием «Рейнеке Лис». Я обомлел. На старинной гравюре в шляпе с пером возлежал Лис. Перед ним стояли кубок и кувшин вина, на блюде валялись обглоданные кости, сзади виднелись стены старинного замка. Эта и прочие иллюстрации похождения братца Лиса и других зверей почти копировали стиль рисунков деда. Я держал в руках фамильный клад,

сожженный фашистами почти семьдесят лет назад. Сказка из детства деда стала былью. Это случилось как раз в годовщину его смерти.

Эту книгу читал мой прадед моему деду. Думаю, именно он играл тогда роль братца Лиса, его отец, скорее всего, братца Волка, а то, что свою маму дед звал «Лисонькой», известно абсолютно точно.

Естественно, чудом воскресшая книга, несмотря на цену, перекочевала в мою библиотеку. Наконец стало известно имя писателя: Иоганн Вольфганг Гете. Автором звериных иллюстраций оказался известный немецкий художник Вильгельм Каульбах. И именно это первое в России издание истории о братце Лисе признано национальным достоянием и запрещено к вывозу за границу. Так что свой клад я нашел. Точнее, он нашел меня сам.